

Joanna Mianowska
Bydgoszcz

Литература русского зарубежья в польских учебных пособиях

„Литература в изгнании”, „литература в рассеяньи”, „эмигрантская литература”, „зарубежная литература”, „литература исшедших”, „эмигрантский рукав русской литературы”, „зарубежная ее ветвь”, „литература диаспоры” – какими только определениями не называлась исследователями русская литература, освобожденная от идеологизации, создаваемая на чужбине¹. Каким бы, однако, определением литература, возникшая со времен послеоктябрьской эмиграции, не называлась, сегодня не подлежит сомнению, что в целом русская литература XX века – это единое, хоть и противоречивое, многообразное явление. Русская литература исшедших с 1917 по 1991 г., лишенная цензуры и монополизма, помогла сохранить самое ценное – связь с русской классикой. Нашло ли это отражение в польских учебных пособиях, насколько эмигрантская словесность представлялась закономерным и вполне плодотворным этапом русского литературного процесса XX века? Хоть тема настоящего исследования – это учебные пособия, прежде всего, 90-х годов XX века и начала XXI, стоит, однако, обратиться к польским учебникам русской литературы 70-х годов и отражению в них литературы тогда запрещенной, запертой, теневой.

Авторами-редакторами первых учебников были видные ученые-русисты: Мариан Якубец, Збигнев Бараньски и Антони Семчук². Все три

¹ См.: L. Suchanek, *Literatura rosyjska jest tam, gdzie znajdują się pisarze rosyjscy*, [в:] *Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej*, pod red. L. Suchanka, Kraków 1993, с. 13–55; *Rosjoznawstwo. Wprowadzenie do studiów nad Rosją*, pod red. L. Suchanka, Kraków 2004; Г. Струве, *Русская литература в изгнании*, Париж – Москва 1996; О. Михайлов, *В рассеяньи – целостная*, „Российский литературоведческий журнал”, Москва 1993, № (1), с. 184–250; Е. Чельшев, *Об изучении литературы русского зарубежья*, „Российский литературоведческий журнал”, Москва 1993, № 2, с. 3–4.

² См.: *Literatura rosyjska. Podręcznik*, pod red. M. Jakóbca, t. I–II, Warszawa 1970–1971; *Historia literatury rosyjskiej*, pod red. M. Jakóbca, wyd. II zmienione, Warszawa 1976; *Literatura rosyjska w zarysie*, pod red. Z. Barańskiego i A. Semczuka, Warszawa 1975.

учебных пособия (два – под ред. М. Якубца, один – ред. В. Бараньски и А. Семчук) предназначались для студентов русской филологии университетов и педвузов. Стоит напомнить, что до 1973 г. была в силе программа четырехлетнего магистерского обучения. В названных учебниках литература русского зарубежья как таковая особо не выделялась, в них предлагалась хронология – с древнерусской литературы по 1917 г. В этой связи обоснованно не анализировался эмигрантский период творчества А. Амфитеатрова, Б. Зайцева, И. Бунина, Л. Андреева, Е. Замятина, Д. Мережковского, А. Ремизова, З. Гиппиус, и других художников слова, ставших изгнанниками. Учебник под ред. З. Бараньского и А. Семчука, как констатируют авторы-редакторы, создавался: „na podstawie doświadczeń, zebranych w trakcie przygotowań *Literatury rosyjskiej* pod red. M. Jakóbca (PWN 1970–1971)”. З. Бараньски и А. Семчук так рекомендовали свое пособие: „przedkładana czytelnikowi książka może też służyć jako źródło informacji i wprowadzenie w dzieje literatury rosyjskiej do roku 1917 [...] tym wszystkim, którzy żywo interesują się problemami tej wielkiej i niezmiernie interesującej literatury, stanowiącej trwałą część duchowego dorobku ludzkości”⁴.

Учебники, вводящие в литературный обиход колоссальный по своему объему материал, не претендовали на нормативность, они носили вузовский академический характер. Творчество русского зарубежья (такого определения в 70-е годы не было) рассматривалось в учебниках в связи с анализом критического реализма, символизма, экспрессионизма. Стоит подчеркнуть высокий профессионализм редакторов-авторов учебников 70-х годов, стремящихся дать полную картину русской литературы до 1917 г. Хотя в вузовских программах преобладал марксистский взгляд на события, литературу и искусство, авторы-редакторы трех учебных пособий стремились отойти от обязывающего идеологического канона, доказательством чего был анализ, хоть и в сокращенном виде, творчества эмигрантов.

В учебниках была дана краткая информация не только о творчестве, но и о судьбах эмигрантов. Среди многих эмигрантов приоритетными именами были И. Бунин, А. Куприн. Последнему посвящено 9 страниц в учебнике⁵. Бунин, как констатируется в учебном пособии З. Бараньского

³ См.: *Literatura rosyjska w zarysie*, pod red. Z. Barańskiego i A. Semczuka, s. 5.

⁴ Ibidem, s. 5.

⁵ Ibidem, s. 730–739.

и А. Семчука: „[...] wykorzystuje poetykę legendy, filozoficzno-lirycznej powieści, monologicznych rozmyślań, parabolicznej przypowieści, sentencji”⁶, и далее о Нобелевском лауреате и авторе *Жизни Арсеньева* (об этом тоже кратко сказано): „mistrz krótkiej formy, świetny stylisty i pejzażysta”⁷. Менее повезло А. Ремизову и Б. Зайцеву, которым посвящены лишь 1–1,5 страниц книги⁸. Не входя, однако, в подробности анализа изложенного материала в учебниках 70-х годов, стоит сказать, что в общем книги эти дали обстоятельный на те времена очерк развития творчества художников слова, творящих в зарубежье на фоне выявления существенных черт и особенностей, путей движения художественной прозы, поэзии и драматургии определенных периодов литературного развития. В годы цензуры и обязывающего в СССР и в странах-сателлитах соцреализма, в польских учебниках 70-х годов авторы-редакторы пытались расставить акценты в оценках русской литературы в неискаженном свете.

Выходили в это время в Польше учебники и другого плана. Вышла в переводе на польский язык *История русской советской литературы* под ред. проф. П. Выходцева⁹. В ней отчетливо прозвучала обязывающая в те годы авторская позиция, основанная на идеологизации литературы. Надо согласиться с мнением П. Выходцева, что основной проблемой, от которой зависела в тот период творческая позиция писателя, было отношение к революции¹⁰. Однако, нельзя бескритично воспринимать оценки в книге типа: „Humanistyczna treść rewolucji i przyszłość budziły największe rozterki wśród pisarzy” и далее: „[...] Dmitrij Mierieżkowski, Zinaida Gippius, Aleksej Riemizov, Michał Arcybaszew oraz dla zbliżonych do nich pisarzy, rewolucja była »buntem sił satanicznych« (Marina Cwietajewa). Wybierali, przeto emigrację, a niektórzy z nich, jak Dmitrij Mierieżkowski i Zinaida Gippius, przez wiele lat jeszcze zajmowali się szkalowaniem swojej byłej ojczyzny”¹¹. П. Выходцев много места уделяет в своей книге Алексею Толстому, возвращенцу в СССР, его произведениям *Похождения Невзорова или Ибикус* и *Черное золото* (позднее название *Эмигранты*). В книге под ред. Выходцева в этой связи констатируется: „Utwory [Tolstoja – J.M.] o emigracji są artystyczną

⁶ Ibidem, s. 738.

⁷ Ibidem.

⁸ О прозе А. Ремизова: с. 718–719, о прозе Б. Зайцева: с. 719–720.

⁹ *Historia rosyjskiej literatury radzieckiej, praca zbiorowa*, pod red. P. Wychodcewa. Przedmową opatrzył B. Białokozowicz, Warszawa 1978.

¹⁰ Ibidem, s. 81.

¹¹ Ibidem, s. 81.

klasyką z życia ludzi, którzy opuścili ojczyznę, zdradzili naród”¹², и далее все по обязывающему тогда способу толкования литературного произведения, о *Черном золоте*: „Толстой rozpoczyna tę opowieść w sposób wzruszający, kończy zaś konsekwentnym, bezwzględnym wyrokiem z pozycji obywatela Kraju Rad”¹³. Без каких-либо разъяснений в книге Выходцева лишь названы некоторые произведения эмигрантов – И. Бунина *В Париже*, А. Куприна *Жанета*, И. Шмелева *Въезд в Париж*, имеющие, как сказано, много сходства с толкованием эмиграции А. Толстого, однако только последний: „potraktował to zagadnienie najbardziej wyczerpująco i wnikliwie. Wyraźnie wskazał on przyczyny zwyrodnienia moralnego, przewidział też rychły koniec »ludzi bez następów«. Wyrwani z rodzinnej ziemi, emigranci to bezcielesne, wegetujące w stanie nieważkości »widma«”¹⁴. С такой постановкой проблемы нельзя согласиться. Особенно ныне, когда не только россияне узнали много о достижениях и роли эмигрантов в литературе, балете, театре и других видах искусства.

В конце восьмидесятых годов вышел в Польше трехтомник, посвященный европейским литературам, в третьей части – среди славянских русская литература¹⁵. Здесь также нашли свое место (хоть и выборочно) художники слова – эмигранты В. Аксенов, Л. Андреев, К. Бальмонт, И. Бунин, В. Владимов, В. Войнович, А. Гладилин, Е. Замятин, Вл. Иванов, В. Максимов, Д. Мережковский, А. Ремизов, В. Ходасевич, М. Цветаева, без разделения их на так называемые „волны” эмиграции. З. Бараньски и А. Семчук составили также таблицы с важнейшими графами: дата, история, культура, литература, которые помогали неопытному читателю осознать происходящие исторические события и соотнести их с явлениями культуры.

90-е годы – это период возвращения и объединения в одно целое оторванных временно друг от друга двух ветвей (рукавов) российской культуры – создаваемой в коммунистической России и в зарубежье. Обе ветви имели общий корень, русскую культуру, сформировавшуюся на протяжении многих столетий. Исторические преобразования в Польше и в Европе показали, что насильственно насаждаемая идеология не может прижиться навсегда. Идеологическая система, казалось бы, не подлежащая

¹² Ibidem, с. 482.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ См.: Z. Barański i A. Semczuk, *Literatura rosyjska*, [в:] *Dzieje literatur europejskich*, pod red. W. Floryana, t. III, cz. 1, Warszawa 1989.

сомнению, рухнула. Заново открыты произведения „теневого” русской литературы XX века, находящейся в „тени” официальной. Отойдя от идеологического канона, возникла следующая задача – ввести в официальный обиход колоссальный „возвращенный” или „запоздалый” материал. Появились новые учебники и учебные пособия. Однако, не все сразу представили и осмыслили „теневою” литературу. В учебнике Габриэли Порембы и Станислава Порембы во введении прямо сказано: „ni-niejsze opracowanie nie uwzględnia w zasadzie literatury emigracyjnej”¹⁶, и далее обоснование: „pełna prezentacja dorobku pisarzy rosyjskojęzycznych od lat siedemdziesięciu tworzących poza granicami kraju, w różnych skupiskach literackiej diaspory dzisiaj szczególnie rozległej, wymagałaby uprzednich, gruntownych studiów specjalistycznych, którymi obecnie nie rozporządzamy”¹⁷.

Однако, в учебнике силезских ученых сделан все же выборочный анализ творчества писателей, так называемой „диссидентской волны эмиграции шестидесятых-восьмидесятых годов”¹⁸. Сосредоточив внимание на формах легального непослушания (А. Солженицын и А. Сахаров) авторы учебника обратились в сокращенном варианте к творчеству В. Войновича, Г. Владимова, А. Галича, А. Гладилина, В. Максимова, А. Синявского-Терца, И. Бродского, последнему посвятили 4 страницы, остальным – от нескольких предложений до 1,5–2-х страниц. Что касается первой волны эмиграции, то имена „зрелых” (определение авторов книги) в творческом отношении художников слова лишь упоминаются – К. Бальмонт, Е. Замятин, А. Куприн, А. Ремизов, М. Цветаева, И. Шмелев¹⁹.

Попытку осмыслить „теневою” русскую литературу предпринял Богуслав Муха²⁰. Во втором издании своего учебника автор заявляет: „Dzięki sprzyjającemu klimatowi i intelektualnemu możliwe stała się też konstruowanie obiektywnych syntez historycznoliterackich łącznie z dotychczas pomijanym piśmiennictwem porewolucyjnym i współczesnym, uwzględniającym przemilczane z konieczności sfery rosyjskiej rzeczywistości literackiej po roku 1917 (pisarze emigracyjni, represjonowanie twórców, piśmiennictwo lagrowe, publikacje poza obiegiem)”²¹. К сожалению, хотя автор пытался собрать

¹⁶ G. Poręba, S. Poręba, *Historia literatury rosyjskiej 1917–1991*, Katowice 1996, с. 5.

¹⁷ Ibidem, с. 5.

¹⁸ Ibidem, см.: с. 65, 66–68, 302, 304–306, 312–313, 322–324, 326–327, 327–329, 329–330, 386–398, 406, 418–419, 430–434.

¹⁹ Ibidem, с. 14, 65, 66–68.

²⁰ B. Mucha, *Historia literatury rosyjskiej*, Wrocław 1989.

²¹ Ibidem, с. 5.

в общие блоки разбросанную новую информацию, посвящая третью часть своей книги периоду 1917–1991 (распад СССР), это оказалось сложным, если не сказать невозможным. Кстати, в учебнике М. Якубца сама библиография (выборочная) составила 70 страниц. Целью настоящего исследования является не рецензирование польских учебников в отношении осмысления в них литературы русского зарубежья, а лишь показ – как свободная русская литература становится доступной на издательском рынке, среди исследователей, которые научным поиском добросовестно анализируют богатство русской литературы XX века.

Возвращаясь, однако, к книге Б. Мухы (второе издание) стоит отметить в нем недостаточный анализ литературы русского зарубежья. Нелегко восстановить справедливость оценок, проследить в творчестве эмигрантов сочетание их с описательными элементами, со многими источниками – письмами, мемуарами, архивными материалами. Литература, используемая Б. Мухой, отнюдь не удовлетворяет. Вызывает недоумение факт, что автор учебника, ставя себе цель во втором издании пополнить первое введением литературы русского зарубежья, не использовал опыт краковской группы ученых во главе с проф. Люцианом Суханеком, создателем понятия „эмигрантология”. В библиографии нет ни одной книги под ред. Л. Суханека (изданных в 1993, 1996, 1997 г.), ни намека на многочисленные монографии, написанные об эмигрантах польскими исследователями²². Не предложены также тома *Литературной энциклопедии русского зарубежья 1918–1940* А. Николюкина²³. Третий том, озаглавленный *Книги*, автор учебника не мог использовать, ибо он был издан в 2002 г. В библиографию Мухи не вошла и книга Г. Струве, а также словарь под ред. В. Шелохаева, ставшие каноном литературы русского зарубежья²⁴. Указанные нами книги и энциклопедии – это лишь часть обязывающего материала для пишущих учебники по русской литературе XX века, ее эмигрантского рукава.

Стоит отметить, что в российской науке в 90-е годы возникли десятки разного типа учебников и учебных пособий, в которых нашла отражение

²² См.: *Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej*, pod red. L. Suchanka, Kraków 1993; *Dać świadectwo prawdzie. Portrety współczesnych pisarzy rosyjskich*, pod red. L. Suchanka, Kraków 1996; *Realności i postmoderniści. Sylwetki współczesnych rosyjskich pisarzy emigracyjnych* pod red. L. Suchanka, Kraków 1997.

²³ См.: *Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940*, т. I: *Писатели русского зарубежья*, гл. ред. А. Николюкин, Москва 1997, т. 2: *Периодика и литературные центры*, Москва 2000, т. 3: *Книги*, Москва 2002.

²⁴ Г. Струве, *Русская литература в изгнании...; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*, Москва 1997.

литература русского зарубежья. Некоторые из них были посвящены только этой ветви русской литературы XX века. Среди многих хочется назвать в первую очередь таких авторов учебников, как: В. Агеносов, Т. Буслакова, А. Ванюков, М. Голубков, Е. Зубарева, Л. Кременцев, Б. Ланин, Н. Лейдерман, М. Липовецкий и многие другие²⁵.

Надо отметить, что в России, начиная с 90-х годов, начали издаваться учебники, авторы которых стремились дать полную картину литературы XX века, так как по старым было уже невозможно изучать русскую литературу. Однако, правильное представление о единой русской литературе можно получить, лишь анализируя и сопоставляя ее разные ветви, в том числе и литературу исшедших. Появились и учебники, посвященные литературе, создаваемой в изгнании. Невозможно даже перечислить всех авторов. Подчеркнем, что российские исследователи сосредоточились, в основном, на первой и третьей литературной волне (исключение составляет учебник В. Агеносова, целиком посвященный трем волнам эмиграции). Нелегко было ввести в литературный обиход материал, который еще недавно обличался, изгонялся, уничтожался и разоблачался. Ведь это эмигранты „портили” картину непротиворечивого целого. Произошла смена оценочных стереотипов, что налицо в учебниках российских исследователей.

Обратимся, однако, к польским учебникам 90-х годов прошлого века и начала настоящего. Несомненно, важнейшим в 90-е годы стал учебник по русской литературе XX века под ред. А. Дравича, исследователя, который одним из первых узнал и проанализировал литературу в изгнании²⁶. В книге – исследования девяти авторов, периодизация традиционная,

²⁵ В. Агеносов, *Литература русского зарубежья*, Москва 1998; Т. Буслакова, *Литература русского зарубежья. Курс лекций*, Москва 2003; А. Ванюков, *Литература русского зарубежья. Из истории русской литературы 20 века. Учебное пособие*, Саратов 1999; М. Голубков, *Русская литература XX века. После раскола*, Москва 2001; В. Зайцев, А. Герасименко, *История русской литературы второй половины XX века*, Москва 2004; Е. Зубарева, *Проза русского зарубежья (1970–1980-е годы)*, Москва 2000; Б. Ланин, *Проза русской эмиграции (третья волна)*, Москва 1997; Н. Лейдерман, М. Липовецкий, *Современная русская литература. Новый учебник по литературе в 3-х книгах*, Москва 2001; См. рец.: А. Немзер, *Попробуйте сделать лучше*, [в:] А. Немзер, *Десятилетие русской литературы*, Москва 2003, с. 506–509; *Литература русского зарубежья. Первая волна эмиграции: 1920–1940-е годы. Учебное пособие в двух частях*, ч. I, под общей ред. А. Смирновой, Волгоград 2003; *Литература русского зарубежья 1920–1940*, сост. и отв. ред. О. Михайлов, Москва 1993; *Русская литература XX века*, под ред. Л. Трубиной, В. Славинной, Москва 1995; *Русская литература XX века в двух томах*, под ред. Л. Кременцова, Москва 2002; Л. Смирнова, *Русская литература конца XIX – начала XX века*, Москва 2001; Л. Шнейберг, И. Кондаков, *От Горького до Солженицына*, Москва 1994.

²⁶ См.: *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, pod red. A. Drawicza, Warszawa 1997.

начиная с 1895 года (год многих научных открытий), завершается литературой третьей волны эмиграции и современной драматургией (начала 90-х годов). Литература в изгнании (первая и третья волна) выборочно нашла свое место в этой книге: ее главные стилевые тенденции, жанры, важные имена. Однако, о второй волне в книге не говорится. Сомнения вызывает и скромная критическая литература в разработке творчества исшедших. Не использовался опыт российского литературоведения, не хватает серьезного анализа творчества таких видных художников слова эмиграции, как И. Шмелев и Б. Зайцев (кстати и критическая литература о них не упоминается). Да и литература о других эмигрантах довольно скупа. Материал по эмиграции в учебнике под ред. Дравича носит лишь постановочный характер, осмысливая по-своему „теневую” русскую литературу, не обосновывая, однако, выбора писателей и поэтов (о драматургии эмиграции нет речи вообще). Нелегко будет восстановить справедливость оценок по отношению ко всем писателям XX века, отсюда проблема отбора новых неизвестных имен, долгий процесс очищения от мифов и фальсификаций, не создавая одновременно новых.

В Быдгоще во второй половине 90-х годов вышел учебник по литературе русской эмиграции первой волны с заданиями для студентов, комментариями к избранным отрывкам текстов эмигрантов²⁷. В четвертую часть книги вошли тексты лучших представителей русской эмиграционной литературы, нашли свое место и синхронистические таблицы. Однако, и в этом издании, на взгляд, спустя семь лет с момента издания книги, в ней не использованы вышедшие уже позже важные энциклопедии под ред. П. Николюкина и другие издания. Книгой этой пользуются студенты русской филологии, магистранты, она известна в Белоруссии, Украине, Израиле, Литве и России.

Еще одна попытка выборочного осмысления прозы эмигрантов первой волны была предпринята гданьским исследователем²⁸. Автор в своем

²⁷ См.: J. Mianowska, *Rosyjska literatura emigracyjna i literatura rosyjskiej opozycji wewnętrznej w komentarzach (w języku rosyjskim)*, Bydgoszcz 1998, rec. Т. Шмелева, *Joanna Mianowska, Литература русской эмиграции и возвращенная в образцах и с комментариями*, [в:] *Окошко из Европы, Университетская жизнь*, Красноярский университет, 26.11.1998, с. 1; M. Guzek, „Nowości wydawnicze. Pismo akademickie WSP”, Bydgoszcz 1998, с. 2; E. Kucharska, „Slavica Stetinensia” 1999, № 8, с. 272–276; П. Ивинский, *Талантливость творчества как объект и критерий исследования: новые книги профессора Иоанны Мяновской*, [в:] *Литература. Научные труды. Rusistica Vilnensis*, Вильнюс 2001, с. 176–177.

²⁸ J. Sałajczykowa, *Prozaicy pierwszej fali emigracji rosyjskiej 1920–1940*, Gdańsk 2003; rec. E. Korpała-Kirczak, „Slavia Orientalia” 2004, № 1, с. 275–277.

предисловии оговаривается: „O trudnościach w zdobywaniu książek rosyjskich w naszym kraju wiedzą wszyscy zainteresowani. Trudno dostępne są nie tylko prace analityczne, ale i same teksty poszczególnych utworów”²⁹. В учебнике для студентов, написанном на польском языке, даны десять очерков о жизни и творчестве писателей-эмигрантов. К сожалению, литература, использованная автором этого учебника, не соответствует требованиям начала XXI, а сложности с ее приобретением отнюдь не обосновывают недостатка соответствующей литературы в книге. К примеру, уже долгие годы проходят зайцевские и шмелевские чтения в Калуге и Алуште, а материалы конференций издаются³⁰. В книге они не учитываются вообще. Цитируемые нами материалы зайцевских и шмелевских чтений уже многие годы используются студентами-магистрантами и слушателями спецкурсов. Нельзя согласиться и с мнением автора этого пособия, что „... publikacja *Prozaicy pierwszej fali emigracji rosyjskiej (1920–1940)* jest pierwszą w Polsce próbą szerszego spojrzenia na ten etap dziejów literatury rosyjskiej, prezentacji dorobku pisarzy bądź to zupełnie nieznanych, bądź też znanych z twórczości lat przedrewolucyjnych”³¹.

В свете сказанного хочется верить, что благодаря доступу к мемуарам, архивным материалам в Польше возникнет, наконец, учебник по русской литературе XX века, учитывающий опыт эмиграции, удовлетворяющий запросы не только исследователей, но прежде всего студентов, которые будут охотно но новым учебным пособиям изучать литературу, в том числе русских изгнанников.

Как уже говорилось, исследовательский центр по эмигрантологии – это Краков и группа во главе с проф. Суханеком, автором и редактором большого количества разработок. Книга, вышедшая под его редакцией в 2004 году, включает географию, историю, вероисповедание, язык, культуру, искусство, театр, кино, музыку, а также являющуюся предметом нашего исследования русскую литературу с XI века по конец XX века. Это первая в Польше, носящая академический характер публикация,

²⁹ Ibidem, с. 8.

³⁰ См.: *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева – первые международные зайцевские чтения*, редколлегия А. Черников и др., Калуга 1998, вторые – Калуга 2000, третьи – 2001; выборочно о шмелевских чтениях см.: *И. Шмелев и русская литература XX века. III Крымские шмелевские чтения*, редколлегия В. Цыганник и др., Алушта 1994; *И. Шмелев и литературный процесс накануне XXI века, VII Крымские международные шмелевские чтения*, редколлегия Л. Спиридонова и др., Симферополь – Алушта 1998; *VIII Крымские международные шмелевские чтения*, ред. Л. Спиридонова и др., Алушта 1999.

³¹ См.: J. Sałajczykowa, *Prozaicy...*, с. 18.

составившая широкий спектр руссиеведческих исследований, в том числе и литературу и культуру русской эмиграции³².

В свете сказанного хочется верить, что благодаря доступу к мемуарам, архивным материалам, в Польше возникнет, наконец, учебник по русской литературе XX века, учитывающий богатый опыт эмиграции, удовлетворяющий запросы не только исследователей, но прежде всего студентов, которые будут охотно изучать богатую литературу русских изгнанников.

Streszczenie

Literatura emigracji rosyjskiej w polskich podręcznikach

W artykule zaprezentowano podręczniki do nauczania historii literatury rosyjskiej, w tym literatury emigracji rosyjskiej. Od lat 70. obowiązywała marksistowska interpretacja literatury. Autorzy-redaktorzy podręczników tego okresu, wybitni rusycyści M. Jakóbiec, Z. Barański, A. Semczuk, starali się niekiedy ominąć obowiązujące kanony ideologiczne, świadectwem czego była pobieżna analiza twórczości pisarzy emigrantów. W końcu lat 70. w Polsce obowiązywał przetłumaczony z języka rosyjskiego tendencyjny podręcznik pod red. P. Wychodcewa, pisany zgodnie z duchem tamtego okresu. W latach 90. powstał podręcznik G.S. Porębów, w którym bada się wybiórczo twórczość pisarzy dysydentów lat 60.–80. Podręcznik B. Muchy w sposób skrótowy, bez uwzględnienia najważniejszej bibliografii, analizuje literaturę rosyjskiego rozproszenia. W podręczniku pod red. A. Drawicza została przedstawiona również w sposób wybiórczy literatura emigracyjna, choć była to jedna z lepszych prób włączenia jej w takim wymiarze do podręcznika akademickiego. Dobrze się stało, że w tym opracowaniu znalazła swoje miejsce literatura przedmiotu w języku angielskim. W dalszej części rozważań mówi się o podręczniku z literatury emigracji rosyjskiej pierwszej fali wydanym w Bydgoszczy. Również w Gdańsku została podjęta próba napisania podręcznika o życiu i twórczości pisarzy emigrantów tzw. pierwszej fali. Przedstawiony został też akademicki podręcznik *Rosjoznawstwo* pod redakcją najwybitniejszego w Polsce emigrantologa prof. L. Suchanka, traktujący o różnych dziedzinach wiedzy o Rosji, w tym o literaturze emigracyjnej. Autorka artykułu uważa, że w Polsce dotychczas nie powstał podręcznik, w którym literatura emigracyjna rosyjska zostałaby potraktowana w sposób zadowalający badaczy i studentów.

³² См.: *Rosjoznawstwo. Wprowadzenie do studiów nad Rosją. Podręcznik akademicki*, pod red. L. Suchanka, Kraków 2004; rec.: J. Orłowski, „Slavia Orientalia” 2005, № 1, s. 106–109. В этом учебнике сохранилась установка на высокий профессионализм, связанный, на наш взгляд, с культурой анализа.

Summary

Literature of Russian diaspora in the Polish coursebooks

This paper is a short history of presentation of Russian emigrant literature in Polish textbooks since the 1970s. The author emphasizes that even in the period of Marxist views the best specialists on the subject tried to overcome the pressure of the dominant ideology and to give a complete though necessarily brief analysis of the most important writers of the „first wave” of Russian emigration. In the 1990s starts the process of „rediscovery” of many unknown names in the „third wave” of Russian emigrant literature which have also found their way into the textbooks. The author believes that the ever increasing development of scientific research in the field will result in the appearance of a new Polish textbook which will be able to fully satisfy the students’ needs.